

Т.И. Щербакова

**ЧИСЛО 7 В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НЕНЦЕВ
(по материалам коллекций
Государственного музея истории религии)**

Обращение к этой теме стало следствием работы с несколькими музейными коллекциями, отражающими традиционную культуру и верования народов Севера первой трети XX в. Это относится и к коллекции культовых предметов ненцев, которая с 1946 г. хранится в Государственном музее истории религии (Санкт-Петербург). Данные материалы представляют собой весьма ценное собрание, включающее предметы, которые к концу XX в. стали редкостью в традиционном пространстве ненцев, что делает их интересными как для носителей культуры, так и для специалистов-этнографов [Щербакова 2001: 12–13].

Работа в музейных фондах предполагает описание экспонатов с указанием всех их параметров, подсчет различных деталей, связанных с оформлением и украшением вещи, а также с повторяемостью мотивов (насечек, нарезок и пр.). Постепенно и совершенно ненамеренно такая работа приводит к накоплению информации об определенных числовых предпочтениях изготовителей. В данном случае оказалось, что эти предпочтения прежде всего касаются числа «семь». Не углубляясь в тему числовой семантики, обратим внимание только на факты, с которыми нам пришлось столкнуться. Судя по всему, подобные наблюдения могут быть сделаны и в отношении других традиционных культур, поэтому выделение и обобщение такого рода данных, касающихся не только культовых, но часто и бытовых предметов, может составить интересную источниковедческую базу для дальнейших исследований.

Известно, что в 60–70-е годы в нашей стране наблюдался всплеск интереса к роли числа в культурах архаического типа. Тогда вышла

целая серия публикаций на эту тему, посвященная, в частности, и числу 7. В статье В.Н. Топорова «О числовых моделях в архаических текстах», изданной в 1980 г., приводится большая подборка таких публикаций [Топоров 1980: 26–27, ссылка 68]. В настоящее время, похоже, этот интерес вновь начинает возрождаться, о чем можно судить по вышедшей недавно монографии А.Б. Островского «Ритуальная скульптура народов Амура и Сахалина. Путеводная нить чисел» [Островский 2009]. В.Н. Топоров предваряет свою статью очень важными замечаниями о том, что «специалисты в области архаичных культур уделяют преимущественное внимание использованию чисел уже на достаточно продвинутой стадии, когда вполне сложилась система счисления и над десемантизированными членами числового ряда можно производить все предусмотренные правилами операции» [Топоров 1980: 4]. Однако, продолжает автор, даже «несмотря на десемантизацию чисел, для числовых моделей в архаичных культурах характерна гораздо большая обнаженность, подчеркнутость целевой установки, связанной с более прагматическим (по сути дела, а не по внешним приметам) отношением к этим моделям и к числу вообще. В частности, это объясняется тем, что в архаичных традициях числа могли использоваться в ситуациях, которым придавалось сакральное, “космизирующее” значение. Тем самым числа становились образом мира (imago mundi) и отсюда — средством для его периодического восстановления в циклической схеме развития, для преодоления деструктивных хаотичных тенденций. В архаичных культурах эта задача ставилась в более явную и непосредственную связь с идеей благополучия коллектива, и поэтому она носила более насущный характер, была, если можно так выразиться, глобальной» [Там же: 5].

Эти высказывания В.Н. Топорова находят подтверждение в работах этнографов. В частности, в монографии Г.П. Харючи «Природа в традиционном мировоззрении ненцев» приводятся представления ненцев о строении Вселенной, где четко обозначено число 7, хотя есть также и число 3: «Для ненцев Вселенная делится на три мира — Верхний, Средний и Нижний... // Верхний мир состоит из семи слоев; восьмой и девятый представляют собой бесконечное пространство... Нум — верховное божество живет на седьмом небе, он считается творцом живой и неживой природы, с ним отождествляется солнце... // Земля, живущие на ней люди, животные и духи местностей — рек, гор, озер — являются Средним миром... У земли семь этажей. // Нижний мир — мир мертвых, находится за семью слоями вечной мерзло-

ты, там властвует На (Нга) — дух болезни и смерти. Это главное злое божество, олицетворение злого начала, также участвовавшее в сотворении мира» [Харючи 2012: 12–14, 19, 20]. Случайно ли в космогонических построениях ненцев присутствуют эти числа? По всей видимости, нет. И обусловлено это чем-то крайне важным для них, жестко связанным именно с данными членами числового ряда, иначе говоря, с качественным значением чисел 3 и 7, с их изначальной семантикой. Однако мифологическая традиция не дает объяснения этого первичного значения, оно закреплено в ней как данность, которой необходимо следовать, чтобы сохранить мировую гармонию. Далее Г.П. Харючи пишет: «Исследование системы верований ненцев показывает, что их космогонические представления, вера в духов и обряды находятся в тесной взаимосвязи» [Там же: 22]. Не отсюда ли присутствие в оформлении культовых предметов ненцев числа 7 (в меньшей мере — числа 3), что мы и постараемся показать на некоторых примерах. Однако культовые предметы существуют не сами по себе, они являются органичной частью обряда, поэтому сначала логично рассмотреть их во взаимосвязи с обрядовым действием.

Наиболее емким и непредвзятым представляется повествование А.В. Головнева о его путешествии к *Семи Чумам*, написанное в форме дневниковых записей [Головнев 2005]. Этот исследователь оказался включенным в систему настоящего многодневного обряда, сумев передать в своем тексте его настрой и течение, идущее от традиционного мировосприятия, а также увидеть многочисленные и крайне важные сопутствующие детали. Святилище Семь Чумов, название которого говорит само за себя, расположено на самом северном мысе Ямала — мысе Духов. Дорога к нему очень долгая и трудная, но, чтобы она оказалась успешной, каждому отправляющемуся в путь следует пройти череду обрядов и предписаний. Если ненцы соглашаются показать свое святилище чужаку, то все эти требования предъявляются и к нему. А.В. Головнев пишет: «К моей затее отнеслись внимательно. От стойбища к стойбищу я проходил обряды жертвоприношений и очищений, получал от хозяев дары, которые мне предстояло везти на святилище Семь Чумов... Я знал, что любое происшествие, будь то даже чье-то дурное сновидение, может сделать святилище недосыгаемым для меня» [Там же: 58]. Когда начались сборы, уже шла вторая *семерка дней месяца овода* и следовало торопиться, так как жертвоприношения на Семи Чумах приносятся только в первой половине лунного месяца. Сначала провели обряд, извещавший *хэхэ* (духов) Семи

Чумов о том, что к ним едут гости. Это происходило на одном из стойбищ, находящемся на пути следования к святилищу. После его завершения жители стойбища вручили посланнику свои дары для духов: «Старуха передала мешочек с жиром дикого оленя, ее дочери — одежду домашнего духа-хранителя и семь ленточек с повязанными на них медными кольцами» [Там же: 61]. Взамен нужно было доставить им со святилища три старых рога, которые будут *оленьями* трех священных нарт. Если число «три» здесь, возможно, и не предполагает сакрального значения, то в следующем диалоге его можно усмотреть. А.В. Головнева спросили, везет ли он подарок духам Семи Чумов и, получив положительный ответ, опять задали вопрос: «Ты сможешь приехать еще через три года? Кто побывал у хэхэ, должен снова приехать к ним через три года» [Там же: 62]. Известно, что некоторые обряды в традиционных обществах совершаются с определенной регулярностью, исчисляемой тем или иным количеством лет. В данном случае — это три года, которые у ненцев, по-видимому, имеют (или когда-то имели) некий сущностный прагматический смысл, связанный с качественным значением числа 3.

По мере приближения к Семи Чумам проводились и другие обряды, соответствующие ситуации. У последней переправы через большую реку следовало выстрелить из винтовки в сторону святилища, что являлось знаком для духов — скоро к ним придут. Из-за сложности переправы *живую жертву* (оленок) решили принести на стойбище: «В знак того, что эта жертва от меня, — пишет А.В. Головнев, — моей шапкой трижды обвели вокруг шеи олененка... затем трижды обернули жертву по солнцу» [Там же: 63]. Здесь опять возникает число 3, и, вероятно, не просто так. Что касается числа «семь», то, надев специально предназначенную для данного обряда малицу и пояс, А.В. Головнев обнаружил, что к поясу были подвешены 7 медвежьих клыков. Это не оставляло сомнений в особом предназначении этого пояса. Жена хозяина стойбища принесла для передачи духам 7 красных лент и 7 латунных колец. Когда подъезжали к святилищу, нужно было собрать сухих дров и бересты для костра, а также отыскать колья для привязи оленей. На самом святилище этого делать нельзя, так как все, что хоть день пролежало на святом месте, перестает быть просто вещью. Участвовавший в поездке хранитель Семи Чумов сказал, что, кроме сучьев, нужно подобрать еще и «7 красивых деревяшек для изготовления сядеяев, так как пришла пора поставить на святилище новую “семью” духов-охранителей» [Там же: 64].

Святылище располагается на сопке, подъезжать к которой следовало с южной (солнечной) стороны. Оно представляет собой семь куч из рогов оленей, вытянутых вдоль пролива с запада на восток. По описаниям В.П. Евладова 1928 г., самой высокой из них, до 2,5 м, была центральная куча — чум хозяйки святылища *Ямал-Хада* (Старухи Края Земли). Три кучи справа от него и три слева были ниже [Объекты культурного наследия... 2010: рис. 9–10]. А.В. Головнев не указывает высоту куч, но отмечает, что «в середине каждой кучи рогов стояло несколько лиственниц, ветви которых были увешаны полосками ткани, кольцами, монетками, завернутыми в лоскутки, железными цепочками и пр. Из костяных куч торчали сядай, грубо вырезанные из мелкого плавного леса» [Головнев 2005: 64].

Прибывшие на святылище, поприветствовав духов Семи Чумов, стали извлекать из нарт привезенные дары: 7 красных и 7 голубых ленточек с кольцами, 7 сядав, 3 желудка с кровью, две головы жертвенных оленей со шкурами и их сердца, жир дикого оленя, пояс, изображение домашнего духа в меховом одеянии, монеты. «Все это предстояло развесить, размазать, разложить и расставить на святылище» [Там же: 64]. Оказывается, непременной частью ритуала приношения является обмен. В благодарность за принесенные им жертвы духи одаривают людей промысловой удачей, пополнением стад, а также священной силой, которой, как считают ненцы, наполнен каждый находящийся на святылище предмет. Поэтому человек, приехавший к Семи Чумам, обязательно должен что-то взять со святылища в качестве подарка — *отдарка* от духов. Этот предмет станет его личным оберегом. Для А.В. Головнева хранитель святылища подобрал «деревянного сядая метровой высоты, трехгранного, с семеричными рядами насечек» [Там же: 65]. Когда развели костер и готовили угощение духам, то привезенные оленьи сердца, как и полагалось, разрезали на 7 продольных частей.

Нужно сказать несколько слов о хозяйке святылища — Ямал-Хада, с которой также связано это таинственное число 7. Образ Ямал-Хада многолик. А.В. Головнев пишет: «Владимир Евладов в 1928 г. увидел “главного шайтана” в виде “толстого бревна с глазами и зарубкой, где должен быть рот”; мне была показана облаченная в белые одежды женская фигура с крупными чертами лица; девять лет назад на том же месте в глубине центрального Чума я видел металлическую скульптуру оленя. Ее образом является и деревянное изваяние полулежащей (сидящей) на обрыве берега женщины, и легендарная поясная пряж-

ка, хранящаяся в священной нарте ненецкого рода Тусида» [Там же: 65]. С этой поясной пряжкой, воплощающей один из образов Ямал-Хада, связано несколько легенд. Одна из них гласит, что как-то охотники заметили семь диких оленей — низкорослую старую важенку и шесть молодых высоких оленей. Их убили и поделили между собой. Старая важенка досталась самому бедному охотнику... Только начал он надрезать живот важеньки, как его нож наткнулся на металлическую пряжку. Он спрятал ее и увез с собой» [Там же: 66]. Другая версия гласит, что «когда-то на месте нынешнего святилища Семь Чумов, где стоял всего один шайтан, собрались как-то семь родов ненцев охотиться на диких оленей. Им удалось перебить стрелами целое стадо... В числе убитых была и белая важенка. Когда ее свеживали, то нашли на груди медную пряжку, какую носят женщины на поясе. В честь этой важеньки охотники основали здесь святое место Семь Чумов» [Там же: 65]. Считалось, что каждому роду принадлежит один из Чумов. Интересно, что среди культовых предметов ненцев, изъятых в 1937 г. со священного места на реке Нумги и хранящихся в Государственном музее истории религии, есть металлическая поясная пряжка, принесенная в жертву духу-хозяину этого места. Возможно, у ненцев — носителей культуры такое приношение ассоциировалось с древними сказаниями о легендарной пряжке, связанной с образом Ямал-Хада.

Важным для понимания и обобщения образа Ямал-Хада является шаманское предание, также связанное со святилищем Семь Чумов. В нем повествуется о том, что некогда на Мыс Духов приехали шаманы, поставили большой чум и начали камлать. Духи сказали им, что Ямал-Хада желает воплотиться в тело женщины. Тогда шаманы взяли женщину и, как на важеньке, затянули на ее шею аркан. «Прошла ночь, а утром люди увидели, что от симсы (священного шеста) уходят вдалека следы оленухи и шести оленят» [Там же: 66]. Здесь очевидно явное наложение образа оленухи (Белой важеньки), женщины и самой Старухи Края Земли — Ямал-Хада, на что справедливо обращает внимание А.В. Головнев: «Оленуха — женщина — богиня Ямал Хада связала своей смертью семь ненецких родов (“семь” в этом случае означает “все”»)» [Там же: 67]. По его трактовке, главное божество ненцев не мужского, а женского рода. Нужно читать, пишет А.В. Головнев, не «сам (Нум) сотворил шесть земель, сказав «сельмой землей буду я сам». Не «сам», а «сама». Землю-жизнь творит богиня-женщина. Вернее, она и есть жизнь — сельмая, всерождающая земля»

[Там же: 70]. Не ставя перед собой специальной задачи объяснить присутствие в традиционной культуре ненцев числа «семь», А.В. Головнев, как мне кажется, очень близко подошел к пониманию его семантики. По крайней мере, значение числа «семь» действительно могло быть связано не только с лунным календарем, но и с древнейшими представлениями Homo sapiens о чем-то всеобъемлющем и в то же время хранящем жизнь. Недаром семерку легко найти практически во всех культурах и религиозных верованиях, представленных на просторах Евразии в голоцене (последние 10 тыс. лет). Отмечу здесь работу В.Н. Чернецова, посвященную уральским писаницам, которые, кроме всего прочего, включают гравированные или красочные группы наскальных изображений, состоящие из 7 линий [Чернецов 1964: 31]. Создатели этих уральских писаниц под открытым небом населяли территорию Западной Сибири и Урала задолго до формирования здесь обско-угорских и самодийских народов.

Даже при описании лишь одного обряда¹ и нескольких легенд о Ямал-Хада становится понятно, что присутствие числа «семь» на культовых предметах ненцев — не прихоть и не случайность. Возможно, это проявление своеобразного прагматизма, идущего из глубины веков и являющегося залогом благополучия людей. Число «семь» в любом его выражении могло «подтверждать» или указывать на причастность человека к некоей высшей реальности, представляемой в образах высших духов. Вероятно, эти образы были воплощением вечно движущегося, живого природного мира, частью которого человек архаических и традиционных обществ себя всегда ощущал. Как пишет Г.П. Харючи, «согласно традиционному мировоззрению ненцев, человек — часть природы, и его хозяйственная деятельность контролируется со стороны высших сил и духов-хозяев мест, которые требуют от людей особого поведения не только в духовной жизни, но и в быту» [Харючи 2012: 111]. Здесь явно присутствует четкая зависимость поведения человека от его представлений о мире и своем месте в нем, закрепленная в традициях, обрядах, ритуалах и тем самым связанная с изготовлением культовых предметов.

¹ Приведенный в качестве примера обряд не является единичным в культуре ненцев. Существуют и другие, в частности, очень интересен обряд перевозки туши убитого белого медведя с использованием семи нарт. (См.: Головнев А.В. *Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров*. Екатеринбург, 1995. С. 457.)

В коллекции, хранящейся в нашем музее, представлены материалы с трех священных мест ненцев, но в данной статье охарактеризованы предметы только со святилища на реке Нумги.

Прежде всего отметим два обода бубнов вместе с рукоятями; обтяжка от них не сохранилась (рис. 1а, б; 2а, б). Судя по записям собирателя, ободы и рукояти лежали на земле, рядом с деревянным изображением духа-хозяина этого священного места [Щербакова 2012: 162]. Как и в других традиционных культурах, у ненцев бубен (*нензер*) как культовый предмет особой важности соединяет в себе многие символические значения, отражающие систему их представлений: «Сама форма бубна имеет сакральный смысл: она как бы связывает верх и низ, является своего рода символом Земли или Вселенной. Две перекрещенные палки рукояти бубна — основная, расположенная по продольному диаметру, и дополнительная, короткая, прикрепленная к основной, — делят его на четыре сектора. Эти сегменты означают четыре стороны света и границы Вселенной — владений шамана. Внутренние ободки как бы защищают шамана от воздействия злых духов. Резонаторные бугорки на ободе бубна считаются местом отдыха шамана во время полетов по Вселенной» [Ардеева¹].

Обод бубна делали из лиственницы — священного для ненцев дерева. Сначала нужно было вырезать тонкую полоску длиной 2–2,5 м и шириной до 8 см, которую после особой обработки сгибали в окружность. Диаметр обода составлял от 50 до 70 см. По центральной оси обода располагалось 7 или 14 отверстий для резонаторных столбиков. После сгиба обечайки (обода) в эти отверстия с внешней стороны вставляли резонаторные столбики, на которые натягивали жильную нить или тонкие кожаные ремешки. Благодаря такой основе в результате обтяжки создавалась характерная для ненецких бубнов волнистая линия внешнего края [Хомич 1981: 20]. Похоже, что наличие отверстий на ободе, кратных числу «семь», являлось обязательным при создании бубна и даже не осознавалось изготовителями — *так делали всегда*. В особых случаях с внутренней стороны обода крепили металлические скобы с железными пластинками, кольцами и даже колокольчиками, которые при ударе по бубну создавали дополнительный звук. Эти приспособления являлись свидетельством того, что бубен принадлежал знающему шаману с большой практикой. Как полагали

¹ Ардеева Ангелина — редактор журнала «Слово тундры», Ненецкий автономный округ. URL: Finugor.ru/7wonders/offers/buben.

Рис. 1а. Обечайка шаманского бубна (А-331-1). Священное место на реке Нумги

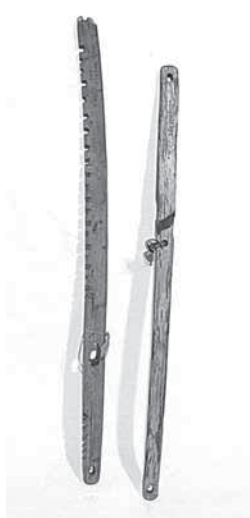

Рис. 1б. Рукоять (А-464-1) от шаманского бубна (А-331-1). Священное место на реке Нумги

Рис. 2а. Обечайка шаманского бубна (А-332-1). Священное место на реке Нумги

Рис. 2б. Рукоять (А-463-1) от шаманского бубна (А-332-1). Священное место на реке Нумги

ненцы, в подвесках находится огромная сила, и неопытный шаман может не удержать эту силу и погибнуть [Лар 2000: 3]. На двух обечайках со священного места на реке Нумги имеются такие металлические подвески; это означает, что некогда эти бубны принадлежали опытным и знающим шаманам. Приведем их описания.

Обод шаманского бубна — А-331-І. Тщательно вырезанная тонкая полоска дерева длиной 176 см и шириной 6,5 см, согнутая в окружность. По ее центральной оси расположены 14 квадратных отверстий размером 1×1 см, предназначенных для резонаторных столбиков (сохранились только три из них). Верхняя поверхность этих столбиков выпуклая в виде рельефной резьбы. По внутреннему краю обода располагаются небольшие отверстия для крепления обтяжки бубна и здесь же, в трех местах, с помощью таких же отверстий укреплены металлические скобы с подвешенными на них железными пластинками. Всего на скобы нанизано 28 пластинок. Один конец обечайки обломан (рис. 1а).

К этому ободу (А-331-І) относится составная деревянная рукоятка в виде развилки — А-464-І. Она образована тщательно вырезанными уплощенными палками. Основная деталь с двумя отверстиями на концах, размером 64,5×3×1 см, располагалась по диаметру обечайки; короткая, боковая, также со сквозными отверстиями на концах, размером 59,3×2×0,7 см, соединялась с основной под углом. Основная деталь рукоятки слегка изогнута, и в ее верхней части по узкой внутренней стороне расположена серия небольших выемок (всего 21 шт.), создающих «пильчатый» край. В ее нижней части рядом со сквозным отверстием располагаются 6 аналогичных выемок. Боковая короткая деталь — прямая, в нижней ее части просматриваются легкие зарубки (рис. 1б).

Обод шаманского бубна — А-332-І. Тщательно вырезанная тонкая полоска дерева длиной 237 см и шириной 7 см, согнутая в окружность. По ее центральной оси расположены 14 круглых отверстий диаметром 0,6 см, предназначенных для резонаторных столбиков (сохранились десять столбиков). Верхняя поверхность столбиков рельефная, смоделированная поперечными желобками. По внутреннему краю обода располагаются также круглые небольшие отверстия для крепления обтяжки бубна; через одно из них продет кожаный ремешок. Здесь же, в трех местах, укреплены металлические скобы с подвешенными на них квадратными железными пластинками. Всего на скобы нанизана 21 пластинка; одна сломанная утрачена (рис. 2а).

К этому ободу (А-332-1) относится составная деревянная рукоять в виде развилки с изображениями *тадебце*, духов-помощников шамана, — А-463-1. Она образована двумя резными палками: основной (48×2,8×1,6) и боковой (43×1,8×1,9 см), которые соединяются под углом с помощью специального отверстия. В верхней части обеих палок вырезано по 7 антропоморфных личин. Обе детали рукояти скреплены проволокой с подвешенными на ней квадратными железными пластинками размером 2×2 см. Всего таких пластинок — 42 шт. (рис. 2б).

В завершении описания шаманских бубнов, в деталях оформления которых присутствуют числа, кратные семи, приведем несколько наблюдений Л.В. Хомич. В одном случае она упоминает о том, что некоторые ненецкие шаманы во время камлания пользовались особой перчаткой с семью пальцами. При необходимости они брали ею горячие угольки или железо [Хомич 1966: 75]. В другом случае отмечается шаманский жезл или посох, который использовался при проходах души умершего человека в загробный мир. Этот посох «состоял из плоского кованого стержня или деревянной палки с семью расширениями и перетяжками. Верхнее расширение изображало человеческое лицо с намеченными при помощи вдавлений и насечек глазами, носом и ртом» [Хомич 1981: 21–22].

В связи с рассматриваемой темой представляется интересной фигура духа-хозяина священного места на реке Нумги. Его изображение типично для ненецких сядаяев, оно выполнено из обструганного ствола с заостренной кверху головой и намеченной линией плеч. На лице грубыми сколами выделен нос, рот обозначен в виде прорези, а глаза и ноздри выдолблены (рис. 3). Как видно на фотографии, тулово *сядая* разделено вертикальной прорезью на две равные части, и в каждой из них обозначены наклонные короткие прорези — «ребра». В правой, хорошо сохранившейся части вырезано пять таких наклонных полос, чуть ниже — еще две. То есть на одной половине тулова сядая было сделано 7 прорезей. Другая половина тулова духа-хозяина сильно повреждена. Но в ее верхней сохранившейся части присутствуют три наклонные прорези, симметричные трем верхним прорезям на уцелевшей половине (рис. 3). Это позволяет предположить, что характер и количество прорезей на поврежденной половине тулова сядая были такими же, как и на сохранившейся.

Рассмотренное выше изображение духа-хозяина с реки Нумги было окутано зеленоватым сукном, к которому были прикреплены

Рис. 3. Дух-хозяин святилища (А-247-1).
Священное место на реке Нумги

многочисленные приношения (*приклады*) в виде различных металлических предметов. Среди них оказалась и связка из колец (рис. 4). В настоящее время в связке находится шесть колец: два бронзовых и четыре железных, причем два из них разъемные. Вероятно, седьмое — разъемное — кольцо было утрачено. Если вернуться к повествованию о Семи Чумах, то, очевидно, что в связках-приношениях должно было быть семь колец: только связки из семи колец принято приносить в дар духам.

Даже столь эпизодичное обращение к материалам традиционной культуры одного народа показывает правомерность наблюдений относительно числовых ритмов в разном их проявлении. Здесь сразу возникает множество вопросов, но главным, на мой взгляд, является вопрос о появлении в культурном пространстве человека разумного числовой семантики. Возможно, что ее корни уходят в эпоху палеолита. Очень интересные и недооцененные, на мой взгляд, исследования

Рис. 4. Связка-приношение из колец (А-273-1).
Священное место на реке Нумги

в этом направлении были предприняты в 60–70 годах прошлого века Борисом Фроловым. Он опубликовал целую серию работ, включая монографию «Числа в графике палеолита», где не только систематизировал огромный фактический материал, но и сделал блестящие комментарии [Фролов 1974].

Что касается традиционных культур, то, похоже, ритмика чисел является их органичной, неотъемлемой частью и осознается носителями этих культур как нечто само собой разумеющееся, существовавшее всегда. Древние традиционные верования народов Евразии, включая шаманизм, сложились естественным историческим путем на бесписьменной основе, в рамках древнего дуалистического мировоззрения, базирующегося на олицетворении и почитании окружающей природы и ее стихийных космических сил [Пустогачев 1997: 21]. Далее автор этих строк замечает, что *сущность таких верований закодирована в многочисленных символических обрядах, в рисунках на бубнах, в конструкции отдельных его частей и облачении шамана, в различных подвесках из железа и дерева, шкурок зверей, птиц и т.д.* [Там же: 20]. По всей видимости, в таких внешних символических проявлениях, основанных на представлениях древних о мире, изначально присутствовала и числовая символика, которую можно выявлять при подсчетах самых разных и, казалось бы, незначительных деталей, присутствующих на культовых предметах.

Библиография

Ардеева А. Журнал «Слово тундры». [Электрон. ресурс]. Режим доступа: Finugor.ru/7wonders/offers/buben.

Головнев А.В. К Семи Чумам // Мир Севера. 2005. № 1. С. 57–70.

Лар Л.А. Ненецкие шаманы // Электронный журнал «Сибирская заимка». 2000. № 7. С. 1–4. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://zaimka.ru/religion/lar1.shtml>.

Объекты культурного наследия коренных малочисленных народов Севера Ямальского района. Салехард, 2010.

Островский А.Б. Ритуальная скульптура народов Амура и Сахалина. Путеводная нить чисел. СПб., 2009.

Пустогачев Я.А. Алтайский шаманизм как религия // Шаман и Вселенная в культуре народов мира. СПб., 1997. С. 17–23.

Топоров В.Н. О числовых моделях в архаических текстах // Структура текста. М., 1980. С. 3–58.

Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974.

Харючи Г.П. Природа в традиционном мировоззрении ненцев. СПб., 2012.

Хомич Л.В. Ненцы. М.; Л., 1966.

Хомич Л.В. Шаманы у ненцев // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX — начала XX в.). Л., 1981 С. 5–41.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. М., 1964.

Щербакова Т.И. О некоторых сибирских материалах в собрании Государственного музея истории религии // Труды Государственного музея истории религии. СПб., 2001. Вып. 1. С. 9–17.

Щербакова Т.И. Жертвенное место на реке Нумги: попытка реконструкции // Жертвоприношение в архаике: атрибуция, назначение, цель. СПб., 2012. Вып. 5. С. 152–165.